

посредницей в передаче на Русь этого памятника неолатинской литературы; возможно, что сочинение прошло и двойной перевод — с польского на украинский, а затем с украинского на русский язык. Наконец возможно, что интересующий нас памятник — компиляция из различных переводных сочинений, сделанная уже на русской почве.

Окончательно вопрос может быть решен только после тщательного лингвистического и историко-литературного исследования памятника.

В польской литературе памятника, носящего соответствующее название и имеющего аналогичное содержание, нам пока не известно.

В пользу предположения, что памятник представляет собой не простой перевод, а перевод, связанный с переделкой оригинала, или компиляцию из нескольких переводов, можно привести такие факты, как появление в некоторых списках дополнений, отрывков нравоучительного характера о праведных советниках и судьях. Известны случаи, когда к тексту сочинения приписывались стихи. Есть списки, текст которых, напротив, сокращен. Несколько списков включают в свой текст притчу,¹ близкую по духу содержанию памятника (о неблагодарном вельможе).

Что же касается стихов (приводятся ниже в археографическом обзоре), интересно то, что они были приписаны к тексту того списка памятника, который входил в собрание Петра Великого и имел название: „Книга о содержании царств“. Стихи производят впечатление наставления молодому наследнику престола.

В интересах каких слоев общества мог быть переведен такой памятник, и кто вообще мог читать его? Ответить на эти вопросы можно лишь предположительно.

На вопрос о том, какие слои общества могли читать сочинение, ответить легче. Скорее всего, что памятник был распространен в слоях господствующего класса. Своей темой он мог вызвать интерес как у представителей боярской группировки, у тех, кто стоял за боярское правление и был против выдвижения незнатных людей, так и у читателя из дворянской среды. Могли заинтересоваться им и представители посадского населения. Вряд ли памятник имел хождение в демократической среде, он был все же сложен как по содержанию, так и по форме. Роскошный экземпляр памятника в списке начала XVII века, написанный старательно, красивым почерком, нахождение его в библиотеке Петра под названием „Книга о содержании царств“ и в библиотеке Д. Голицына в Архангельском — всё это говорит о том, что памятник читался преимущественно представителями господствующего класса.

Что же касается вопроса о том, в чьих интересах мог быть переведен и использован памятник, то в сочинении совершенно ясно прослеживается защита консервативных позиций. Памятник мог быть использован реакционным боярством как орудие борьбы за ограничение самодержавной власти, символом которой был Иван Грозный.

Кем могло быть переведено сочинение? Скорее всего, служащим Посольского приказа: перевод сделан деловым языком. Имя переводчика известно. В заглавии некоторых списков сочинения говорится, что перевод сделан Василием Садовулиным или Садовским. Но кто был этот Садовулин или Садовский, пока выяснить не удалось.

¹ В несколько ином виде притча встречается в сборнике „Gesta Romanorum“ под названием „Приклад о невдячности человечестей“ („Римские деяния“, СПб., 1877—1878, стр. 142—152). Притча упомянута у А. С. Орлова в „Переводных повестях феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков“ (изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 95, 102—105).